

тенденциозных и путаных рассказов. Все, что мы можем извлечь по вопросу о классовой борьбе в восточных провинциях непосредственно из исторических сочинений или хроник, дошедших до нашего времени, не только представлено с резко выраженной точки зрения социально-политических симпатий автора-римлянина, принадлежавшего к господствующему рабовладельческому классу, но, за весьма немногими исключениями, настолько бесцветно и бессодержательно, что основываться на этом материале совершенно не представляется возможным. При этом не представляется очень часто возможным четко провести различие между внешними, задунайскими „варварами“ и местными жителями восточноримских провинций, которых римские писатели, как известно, также именовали варварами, а это обстоятельство сильно затемняет истинный смысл происходившей ожесточенной борьбы.

Такое состояние источников представляет весьма досадный пробел, ибо делает для нас невозможным воссоздать подлинную и более или менее подробную картину событий, происходивших в восточных провинциях империи в период дунайских войн. Это же обстоятельство послужило причиной того, что немецкие националистические историки конца XIX и начала XX в. неправильно осветили весь период дунайских войн, что не изжито в некотором отношении еще и до настоящего времени.

Эти немецкие националистические историки, излагая события дунайских войн, ставили повсюду на первое место готов-германцев, которые якобы организовывали и вели за собой все другие негерманские племена. При этом в трудах этих историков тенденциозно подчеркивалась провинциальная историческая миссия готов и ставилась определенная задача возвеличить готов перед римлянами. Так, Б. Рапппорт главную причину успеха вторжений видел „в смелой отваге и дикой храбрости готов, которые столь часто внушали римлянам ужас и страх. Отсюда получалось, что жители областей, куда вторгались готы, были неспособны к стойкому и мужественному сопротивлению“.¹ Вслед за ним Г. Дельбрюк, называя весь период вторжений III в. на Дунае „готскими войнами“, пытался доказать якобы „природное стратегическое искусство“ готов, „врожденное“ им стратегическое дарование,² а румынский историк Н. Йорга по поводу дунайских войн писал: „Эти многочисленные gentes Sarmatorum сами по себе никогда не представляли серьезной опасности для Рима. Только у германцев была действенная, угрожающая и всепобеждающая сила варварства... и только когда на границах империи появились новые варвары германской крови, начался всесокрушающий поток вторжений“.³

Такие тенденциозные шовинистические установки являются необоснованными и не соответствуют исторической действительности. На самом деле в массовых вторжениях в Балканские провинции в этот период, как показывают источники, не готы вели за собой все другие племена. В это время в пределы империи проникали племена весьма смешанного этнического состава, и в этом этнически пестром конгломерате племен готы, представлявшие собой ряд мелких ответвлений восточногерманского мира, еще не играли никакой ведущей роли и пле-

¹ В. Рапппорт. Die Einfälle der Goten in das römische Reich bis auf Constantin. Leipzig, 1899, стр. 120.

² Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. II. М., 1937, стр. 238 сл.

³ N. Jorga. Geschichte des Rumänischen Volkes, Bd. I. Gotha, 1905, стр. 40.